

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ **В. БАГРИШКОГО** А. БОЛОТНИКОВА,
М. КОЛЬЦОВА, В. ЛЮДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО,
М. СУВОБКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРВОВА, Е. УСКЕВИЧ.

№ 125 (441)

18 СЕНТЯБРЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

Дневник Литературной газеты

18 СЕНТЯБРЯ Вчераше опубликовано приглашение СССР в Лигу наций и ответ советского правительства. Факт этот является положительным свидетельством успехов социального строительства в СССР и мировой политики советского правительства.

Еще несколько лет назад большинство держав, входящих в Лигу наций и теперь обратившихся к советскому правительству с приглашением вступить в Лигу и принести ей свое ценное сотрудничество, — питало агрессивные намерения в отношении СССР и строило свои расчеты на крахе первого в мире пролетарского государства. Но рабочие и крестьяне нашей страны сумели отразить и удары империалистских полков, и ультиматум Керзона, и многочисленные провокации на различных наших границах. Успехи социализма, укрепление мощи Красной армии, твердая воля СССР к миру — многократно подтвержденные разглагольствованиями на мировых конференциях и мирных договорах в рязань стран — заставили многие капиталистические державы изменить свое отношение к Стране Советов, и те из них, которые не заинтересованы на данном историческом этапе в войне, — оценили мирные стремления СССР.

Вступление СССР в Лигу наций провозглашено именно нашим стремлением продолжать борьбу за мир, используя для этого все возможные средства, в том числе и далеко не совершенный институт Лиги наций, которая после ухода из нее держав, настроенных наиболее агрессивно (Япония, Германия), может, по словам т. Сталина, «оказаться неким буфером на пути к тому, чтобы хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира».

Но естественно, что мы не переоцениваем симпатии к нам со стороны капиталистического мира. Трудящиеся СССР будут продолжать крепить оборону своей страны, будут всемерно бороться за то, чтобы их родина стала еще более сильной и непобедимой.

Голос советской литературной критики на первом всесоюзном съезде писателей прозвучал чрезвычайно приглушенно. Писательская общественность литературной критике предъявила счет, оплатил который критика оказалась бессильной.

Совершенно закономерно недовольство большей части советских писателей уровнем и состоянием литературной критики. Если в художествен-

ной литературе нашей страны мы должны подходить к всемирно-историческим критериям, если от работников художественной литературы мы требуем высокой культуры, то требования, предъявляемые в этом отношении к критике, должны быть особенно высоки. Критик должен по общему уровню культуры стоять выше художника, ибо он должен не только разрабатывать творческие пути советской литературы в целом, но и направлять индивидуальный творческий путь писателя. А между тем наши критики не поднимались еще и до уровня переходных ведущих художников советской литературы.

Критика наша овладевает передовыми идеями Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, харксистскими методологическими принципами анализа художественного произведения. В этом смысле наша критика является критикой самой научной, самой передовой и самой содержательной. Но уровень общей культуры нашей критики чрезвычайно низок, так же как недостаточен развит у критики художественный вкус.

Повышение общего уровня культуры, развитие художественного вкуса, соответствующего социалистической эстетике, вот над чем должна сейчас работать критика.

Для успеха этой работы необходимо создать полновесную критическую общественность. Всесоюзное критическое совещание предложило создать бюро секции критиков, которое организовало, направляло бы творческую работу критики. Это решение до сих пор не реализовано. Его нужно форсировать. В составе писателей должна быть организована работоспособная секция критиков. Нужно добиться в этой секции дружеской творческой среды. Как это не странно, но критики творчески разобщены в гораздо большей степени, чем писатели. Это необходимо изменить. Работоспособное, авторитетное бюро секции критиков союза писателей должно наладить живую связь и творческую работу всего коллектива критиков.

Наша общественность неоднократно ставила вопрос о создании соответствующих условий для критиков, входящих в Союз советских писателей. Правлению Союза советских писателей необходимо в ближайшие месяцы все эти пожелания критического совещания и всей литературной общественности реализовать.

Только общими усилиями сможем мы поднять авторитет и значение советской критики, роль которой в деле создания полновесной социалистической и полновесной художественной литературы должна возрастать с каждым днем.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ПЕРСИИ

БЕСЕДА С г. МЕХДИХАН-ДИБА

Несколько дней назад в Москву приехал г. Мехдихан-Доба, который в качестве представителя министерства народного просвещения Персии примет участие в юбилейных торжествах по поводу тысячелетия со дня рождения великого персидского поэта Фирдоуси.

В беседе с сотрудником нашей газеты г-н Доба рассказал о ходе подготовки к юбилею Фирдоуси в Персии.

г. Мехдихан-Доба.

3 октября в Тегеране состоится первое торжественное заседание. К началу торжеств в Персии ожидается приезд 80 крупнейших востоковедов различных стран.

Начиная с 4 октября, участники торжеств посетят дворцы, музеи, школы изящных искусств, парламент, выведут для осмотра развалины г. Рая и мечети в г. Верами, являющиеся образцом персидского зодчества XIV в. В г. Туус (район Мешхеда), где находится гробница великого поэта, 12 октября состоится открытие памятника Фирдоуси, сделанного по проекту французского архитектора Годара. Затем делегаты соберутся снова в Тегеране, где состоится заключительное заседание.

В Тегеране открывается библиотека им. Фирдоуси, в которой будут собраны все его рукописи и переводы великого поэта в других странах.

Касаясь далее состояния современ-

ной литературы и искусства Персии, г-н Доба сказал:

— Несмотря на то, что персидская литература — литература очень древняя, насчитывающая много столетий своего существования, произведения старейших ее представителей и Фирдоуси и Сади, жившего 800 лет назад, как и других их современников, остаются понятными до сегодняшнего дня. Это объясняется, главным образом, тем, что в течение веков язык Персии почти не подвергался изменениям.

До последнего времени единственным жанром персидской литературы была поэзия. Лишь за последние двадцатипять лет начинают появляться романы, а вслед за ними повести, рассказы, очерки о национальной жизни Персии. Доминирующей темой произведений современных персидских писателей, находящихся под сильным влиянием европейской литературы, является тема быта и любви. Проблемы социально-политического порядка почти не находят отражения в современной литературе Персии.

Язык литературных произведений остался почти без изменений. Однако в последнее время в области языка намечается тенденция к исключению арабских слов из персидской речи и замены их словами, происходящими от старых персидских корней.

Еще одна тенденция намечается сейчас в Персии. Это — латинизация азбуки, однако эта тенденция встречает еще довольно сильное противодействие со стороны многочисленных сторонников персидской азбуки, с

одной стороны, и с другой, сопряженной с очень большими трудностями технического и материального порядка. Для Персии, обладающей очень старой литературой, труднее, чем для какого-либо мусульманского государства перевести на латинскую азбуку многовековую литературное наследие.

Влияние европейской культуры, в частности французской, сказалось также в области переводной литературы. На персидский язык переведены произведения почти всех классов, начиная с XVIII-XIX вв.: Гюго, Стендаля. Русско широко известны персидскому читателю. Переводятся также много писателей, в творчестве которых в свое время была отражена Персия: Лотфи, Мопассан, Фраас и др. Из русской литературы на персидский язык переведено много произведений Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Чехова, Горького.

Искусство Персии последних десятилетий также находится под сильным влиянием Европы. Влияние классической академической живописи — итальянской и фламандской школы — сильно сказывается на персидской живописи. Лишь за последние четыре года школа эта начинает реформироваться, вводится снова старая персидская живопись и сильно пропагандируются кустарные работы: резьба на дереве, бронза, роспись тканей и т. д. Одним из факторов развития искусства в Персии является организация школы изящных искусств, объединяющей живопись, музыку, театр, кино, изучение археологических древностей и т. п.

ВЕЧЕР ФИРДОУСИ В ТИФЛИСЕ

Тифлис, 16 сентября. (ТАСС). В саду клуба им. Орджоникидзе состоялся торжественный вечер, посвященный тысячелетию со дня рождения великого персидского поэта Фирдоуси.

На вечере присутствовали председатель ЦК ВЦИК и Грузии т. Махарадзе, заместитель председателя СНК Грузии т. Курулашвили, представители персидского правительства г-н Надфири, представители иностранных консульств, научные работ-

ники, писатели, художники. Зал летнего театра был переполнен рабочими-ударниками и трудящимися Тифлиса. Появление представителя персидского правительства г-на Надфири было встречено продолжительными аплодисментами.

С докладами о творчестве Фирдоуси выступили профессор Тифлиского государственного университета Н. Убушидзе, Кенегидзе и Шамидзе. Вечер закончился литературно-художественным концертом.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ „БАРСОВОЙ ШКУРЫ“

Издательство Союза писателей Грузии «Федерация» выпустило в свет новое, проверенное по рукописям издание поэмы Шота Руставели «Юсский барсовый шкур».

Новое издание поэмы Шота Руставели — значительное явление на литературном фронте Грузии. К редактированию этого издания был привлечен поэт К. Чичинадзе, знаток поэмы Руставели, изучавший ее в продолжение ряда лет.

Под его редакцией издательство удалось выпустить первое действительно образцовое издание величайшей грузинской поэмы. Предисловие к изданию дает глубокий анализ эпохи царствования царей Тамары. И текст поэмы приложен составленным К. Чичинадзе конкорданс поэмы, словарь старогрузинских слов, индекс и библиография. Книга богато иллюстрирована 34 цветными графическими рисунками и заставками художника Л. Гудиашивили. Все четкие рисунки для этого издания выполнены московской типографией Гознак.

Большую работу выполнил для упомянутого издания художник Лео Гудиашивили. Он дал двухстороннюю цветную обложку, супер-обложку и фронтиспис, около 40 графических иллюстраций, множество заставок, кончиков и заглавных букв.

Работа эта не только новый шаг вперед в творчестве Л. Гудиашивили, но и крупный вклад в искусство оформления книги. Она — первая серьезная попытка иллюстрации поэмы Руставели средствами современного искусства и техники, и ее значение особенно выражает при сопоставлении ее с примитивными иллюстраторами «Барсовой шкуры» XVII века Тавадарашвили и Аваляшвили и особенно слащаво-тигетными рисунками Зичи (конец XIX века).

Изображение образов поэмы имеет свою прочно укоренившуюся традицию, и художнику надо было преодолеть эти образы по-новому, но не отбрасывая их. Задача эту Л. Гудиашивили в основном разрешил.

Интересен подход художника к героям поэмы. Не сохраняя неизменности их обликов, он раскрывает образы в динамике, подчеркивая в каждой иллюстрации те их черты, которые являются характерными для изображаемого эпизода.

Рис. худ. Евгана

Печатайте книги на дешевой шелку вместо бумаги! Предложил союз и лозских фабрикантов шелка; запасы шелка гниют на складах из-за отсутствия спроса. (Из газет.)

— ОБМАНУЛИ!..

Рис. худ. Евгана

А ГОВОРИЛИ, ЧТО ИЗ ПОВЕСТИ ЦЕЛОЕ ПЛАТЬЕ ВЫЙДЕТ...

Очередной день культуры на заводе им. Капинина 15 сентября был посвящен обсуждению итогов всесоюзного съезда писателей.

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА — В М А С С Ы

Москва

КАЛЕНДАРЬ ВЕЧЕРОВ

В ближайшие дни на крупнейших предприятиях и в районах Москвы состоится ряд литературных вечеров с докладами об итогах первого всесоюзного съезда советских писателей и литературными выступлениями писателей.

В Сталинском районе на районном собрании партактива выступит 20 сентября с докладом об итогах съездского съезда т. Кириотин.

20-го же состоится литературный вечер на заводе «Борец».

22 сентября итоги писательского съезда будут обсуждаться парттактивом Сокольнического района в КОР, где выступит с докладом т. Беспалов.

Ряд докладов и писательских выступлений предстоит в ближайшие дни и в других районах.

Москва

СЪЕЗДОВСКИЕ ДНИ В ШАТУРЕ

По инициативе рабкоров и газеты «Ленинская Шатура» в Шатуре начались проработка решений съезда писателей. 11 сентября писатели А. А. Богданов и Н. Степной-Афиногенов выступили с докладами на рабочих собраниях в котельном и машинном цехах Шатурской ГЭС им. Ленина. Вечером того же дня состоялась встреча редакторов стеновых газет, рабкоров и латружковцев с писателями.

12 сентября была организована встреча писателей в квартире уларника Литвинкина Ф. И. Соколова (38 лет производственного стажа). Он рассказал о своей жизни и работе улейничков Гущера, Готова и др. Писатели поделились впечатлениями о работе съезда. Вечером состоялся литературный вечер рабочих Шатуры в клубе им. Нариманова, на котором присутствовало более 500 чел.

Средняя

Волга

НА ЗАВОДАХ И В КОЛХОЗАХ

Итоги всесоюзного съезда прорабатываются в латружках, на общегородских собраниях актива и в колхозах Средневолжского края. На крупных предприятиях Самары выделяются докладчики — делегаты всесоюзного съезда. Проведено обсуждение решений съезда в красном пединституте, в профкабинете при редакциях журналов «Ударник».

Состоялись вечера на заводе им. Масленникова, на Станкостроительном, в депо и др.

Белоруссия

НЕБЫВАЛЫЙ ИНТЕРЕС

12 сентября в Борисове (БССР) состоялось собрание партийно-комсомольского актива, по вопросу об итогах I всесоюзного съезда писателей.

С докладом об итогах съезда выступил т. Андрей Александрович. После доклада т. Александровича говорил народный поэт республики Янка Купала. Он был встречен собранием исключительно тепло. Представители фабрик и заводов преподнесли Купале десятки букетов цветов.

Кроме того поделились впечатлениями о съезде, прочли свои произведения писатели Бровко и Мураш-Ео.

Молодая ударница шпичетной фабрики «Пролетарская победа» тов. Сялакова рассказала собранию о

том, что сейчас на фабрике не только молодежь, но и старые рабочие начали читать художественную литературу. На фабрике во время обеденного перекура читаются и разбираются материалы съезда. Число читателей фабричной библиотеки увеличилось на 500 человек.

О титре рабочих к овладению художественной литературой рассказали ударники стекольного завода имени Домбала, деревообрабатывающего комбината имени Коминтерна и другие.

Читка художественных произведений и проработка докладов Максима Горького проводится также и на квартирах рабочих.

На активе присутствовало больше тысячи человек.
В. КАТКЕВИЧ, И. ШКОЛЬНИК.

Книга на Западе

Надежды на быстрое «возрождение» книжного рынка под эгидой фашизма в Германии рухнула. По заявлениям руководства союза германских издателей и книготорговцев, положение книжного дела в 1933 г. и 1934 г. стало еще тяжелее. Средневолжские гонения на литературу «неарийского» происхождения, наводнение книжного рынка фашистской макулатурой отразились на резком сокращении внутреннего потребления книги и экспорта немецкой печатной продукции. Ввоз литературы из других стран благодаря, с одной стороны, сокращению внутреннего потребления и, с другой, чудовищной фашистской цензуре, сократился с 95,2 проц. (принимаю цифру ввоза в 1913 г. за 100) в 1929 г. до 33,6 проц. в 1933 г.

Вывоз книг из Германии в 1933 г. сократился на 17,3 проц. по сравнению с 1932 г., ввоз — на 26,6 проц. Если же сравнить цифры вывоза с данными 1929 г., наиболее рекордно после войны, то сокращение будет равно 34,6 проц.; ввоз за то же время упал на 62,5 проц. Общие обороты издательского дела в Германии упали с 650 млн. марок в 1929 г. до 375 млн. марок в 1933 г.

В США в 1933 г. выпущено (в напечатанных) на 10 проц. меньше, чем в 1932 г. и на 20 проц. меньше, чем в 1930 г. Имея в виду, что за прошедшие три года (с начала кризиса) сбыт книг сократился на 50 проц., можно с уверенностью утверждать, что сильно пали и тиражи.

Значительные изменения произошли и в структуре ассортимента американской книжной продукции.

Сравнивая продукцию США 1932 г. с 1933 г. в названии мы увидим, что ряд отделов американской лите-

ратуры подвергся значительным изменениям:

	1932	1933	г + —
Романы	2102	1806	-17%
Детская литература	935	626	-33%
Стихи, пьесы	696	501	-28%
Биография	793	545	-31%
История	431	464	+ 8%
География, путешествия	355	243	-30%
Критика, ист. литературы и пр.	538	295	-45%

Падение продукции США продолжается и в текущем году. Опубликованные за первые четыре месяца 1934 г. данные о числе названий, выпущенных издательствами США, показывают, что по сравнению с первыми четырьмя месяцами прошлого года число названий сократилось на 19 проц. Внутри ассортимента книжной продукции сокращение по ряду разделов значительно выше, достигая по дисциплинам научно-техническим и прикладным 111 проц., по детской литературе — 17 проц., по детской литературе — 31 проц. Продолжающаяся депрессия коснулась, так же образом, самых ходовых разделов книжной продукции: книгоиздателя уже не спасают романы; он и тут вынужден за счет сокращения нового выпуска маневрировать старыми запасами. Данные за последние полгода, правда, обнаруживают известную стабильность числа названий (по сравнению с прошлым годом).

Общую характеристику издательского дела в Англии дал быв. секретарь ассоциации книгопродавцов Великобритании и Ирландии Медженс — «Английская книготорговля». Писет он, — переживает критическое

судьбоносное. Писатель Толлер в одном шубушудове с волнением узнал своего старого товарища по борьбе за баварскую советскую республику.

После устроенного Союзом писателей обеда гости посетили партийно-комсомольский актив ХЭМЗ, посвященный итогам съезда. Доклад на собрании сделал т. Микитенко. Под бурные овации всей аудитории Толлер закончил свою речь так:

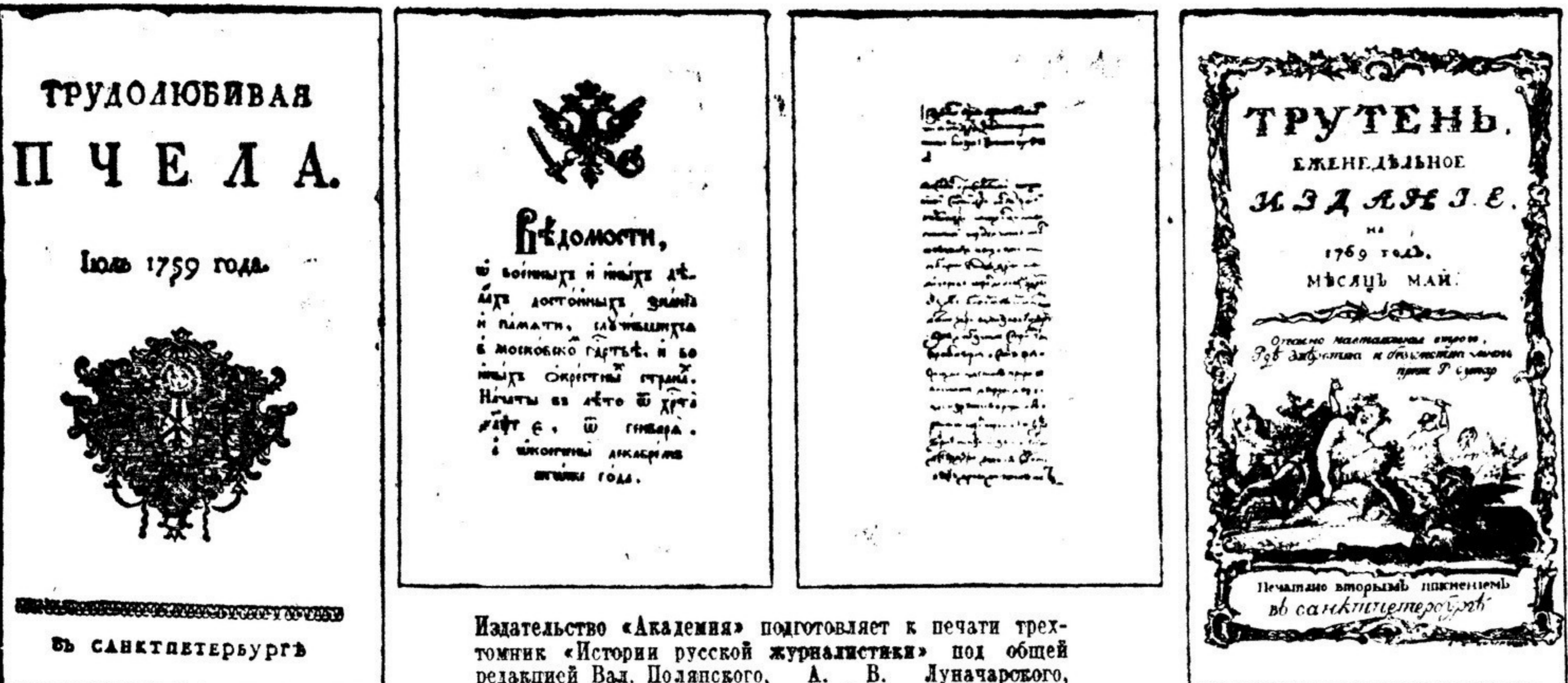
— Я уверен, что недалеко тот день, когда немецкие революционные писатели будут приветствовать украинских писателей в советском Берлине. Вечером гости выехали в Напчик.

ИНОСТРАННЫЕ ПИСАТЕЛИ В ХАРЬКОВЕ

ХАРЬКОВ, 17 (от наш. корр.). 16 сентября проездом в Харьков оставилась группа иностранных писателей — участников всесоюзного съезда писателей: Толлер, Пливе, Оскар-Мария Граф, Альберти, Вольф, Мария-Тереза Леон и др.

На вокзале гости были тепло встречены представителями украинского союза писателей, горсоветом, многочисленными рабочими делегациями. С приветствиями выступили тт. Кулиш, представители профсоюзов и ХПЗ. Осмотрев город и заводы, гости отправились на ХТЗ.

При отбытии с завода произошла встреча иностранных писателей с

Слева направо: титульный лист журнала «Трудилюбивая пчела» под редакцией Сураикова, 1759 г.; первая страница петровских «Ведомостей», выходящих с января 1703 г. по 1725 г.; начало номера рукописно-й газеты «Сурмачи» 1621 г., выходящей с 1621 г. по 1702 г.; титульный лист журнала Новикова 1788—1770 гг.

КРИТЕРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ

Вопрос о художественном критерии является одним из центральных для марксовской эстетики и социал-эстетического реализма. Решить этот вопрос означает литературоведчески вынести мерило качества нашей литературы.

Одной из причин многих ошибок нашей конкретной критики является то, что наше литературоведение и критика часто не подпадают к определенной литературной оценке.

Самое собой разумеется, что не только эти отдельные высказывания, но и все учение марксовско-ленинского должно быть фундаментом нашей эстетики. Энгельс в своем письме о творчестве Бальзака (где он говорит, что на книгу Бальзака он по-прежнему больше о французской литературе, чем из всех сочинений Гюго, Флобера, Дюма, Золя и других).

Идея произведения разрабатана не абстрактно, а в процессе движения, в борьбе не только вне отрыва, но и внутри отрыва.

Кант в своей «Критике способности суждения», посудая проблему художественности, становится психиком на точку зрения реализма. Он высказывает ту точку зрения, что невозможно установить общезначимый критерий художественности, поскольку у различных людей различные вкусы.

То же самое можно сказать об «Истории Бульваров», а также о «Истории Саманта» Горького. В такой же функции выступают образы Колюха у Серафимовича, Левинского у Фадеева, героев Шолохова, Пастернака, Александра Солженицына и др., которые вошли в нашу литературу как живые и долговечные образы.

Мы могли бы привести противоположные примеры, где образы не живы, а схематичны. Этот схематизм обусловлен тем, что действительность отражена в этих произведениях не в единстве типического, индивидуального. В истории литературы мы встречаем произведения, которые, еще не достигнув, достойны смерти.

Вопрос о тематике также тесным образом связан с повышением качества советской литературы и усилением позиций социалистического реализма в нашей литературе. Мы в области тематики имеем огромные достижения. В советской литературе поставлено много новых тем и проблем, но есть темы, которые пока еще не использованы нашими писателями.

У нас до последнего времени был принят в качестве критерия художественности шеховицкий полуромантический критерий соответствия формы содержанию. Эта формулировка не может служить для нас критерием художественности, но может служить лишь моментом нашей партийной эстетики. Ино, что не существует высокого художественного произведения без соответствующего содержания, но это не значит, что всякое художественное произведение, которое имеет такое соответствие, представляет собой высокую художественную ценность.

Но у классиков марксизма не существует учения о двух аспектах художественной критики, как у Шеховицкого. Специфичность искусства слита с ее сущностью, и эта специфичность выражается не только при помощи формы, но захватывает и содержание. Иные говоря, произведение всегда существует как цельная форма и содержание.

Важнейшая задача нашей литературы сейчас — создать такие ментальные произведения, которые останутся жить в будущем. Вопрос о качестве нашей литературы органически связан с воздействием творческой функции литературы. Такое воздействие возможно только в том случае, когда литература, стоящая на высокой эстетической и художественной высоте.

Историческая тема нами не отвергается, но богатая тематика социалистического строительства является стержнем советской литературы. Теория о том, что крупное произведение может быть создано только на основе исторической тематике, уже отвергнута практикой советской литературы.

Для решения нашего вопроса обязательно надо использовать тот богатый материал, который дан в многочисленных высказываниях об искусстве у Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, касающихся как отдельных крупных произведений искусства и литературы, так и искусства в целом.

Этот так, поскольку художественный образ представляет собой содержание и форму, но это не значит, что всякое художественное произведение, которое имеет такое соответствие, представляет собой высокую художественную ценность.

Нам бы указывать единство типического и индивидуального, как один из важнейших моментов, ибо художественный образ, как обобщенное отражение (типическое), не устраняет индивидуальных черт, но выступает в единстве с ними, усиливает выразительность типического. Для выявления единства типического и индивидуального в области искусства можно привести много примеров как из мировой, так и советской литературы. Здесь можно назвать имена Дон-Кихота, Фауста, Гамлета и других. Это все образы наиболее крупных типических обобщений, но обобщения, которые не являются расщепленными схемами. Они выступают в рельефной внешней выразительности.

Вопрос о тематике также тесным образом связан с повышением качества советской литературы и усилением позиций социалистического реализма в нашей литературе. Мы в области тематики имеем огромные достижения. В советской литературе поставлено много новых тем и проблем, но есть темы, которые пока еще не использованы нашими писателями.

КЛЕВЕТА на ШИЛЛЕРА

Тот, кто тервет вкус и Шиллеру, тот или стар или педант, очерствел или забыл себя. Что же сказать о тех молодых старичках, которые так хорошо знают недостатки его в семнадцать лет?

А. ГЕРЦЕН.

Шекспира наз «всей немецкой литературой» понимается конкретная жизненная насыщенность и такая же жизненная действительность, позволяющая объективности, сочностью и, так сказать, конкретная оптимистическая действительность.

«... Полное слияние большой идейной глубины, сознательного исторического содержания, которое мы спрашиваем приписывать немецкой драме (т. е. шиллеровской в первую очередь П. К.), с шекспировской живостью и богатством действия, будет вероятно достигнуто лишь в будущем. Правда, именно в этом СЛИЯНИИ и вижу будущее драмы. Ваш Закинген целиком на правильном пути, главные действующие лица в самом деле представляют определенные классы и направления, стало быть, и определенные идеи своего времени, потерпая от мотива своих поступков не в мелочных индивидуальных воздержаниях, а в том историческом течении, которое является их носителем. Однако желательней дальнейший шаг вперед должен был заключаться в том, чтобы эти котировки были более живы, активны, так сказать саморазвивающиеся, выходящие на первый план более самостоятельного действия, чтобы, наоборот, аргументирующие речи... становились все более наглядными».

Для противников политической поэзии Шиллер всегда был благодарным материалом для разгона. Шиллер, будучи в свое время и особенно в своей молодости глашатаям революционных идей буржуазии, вместе с этим в силу отсталости в западных революционных движениях буржуазии в Германии нес в себе больше отрицательных черт, чем, например, французские энциклопедисты, Лессинг и Гейне в Германии же, Чернышевский и Некрасов в России.

Многими комментаторами и критиками в том числе уже упомянутым товарищем, аналогичные выводы «обобщаются» следующим высказыванием Энгельса: «Гете был слишком универсален, слишком активная натура, слишком плоть, чтобы искать спасения от ужасов в шиллеровском бегстве к кавказскому идеалу, он был слишком провидящим, чтобы не видеть, что это бегство в копие копнов сводится к замене плохого убеждения высокопарным».

«... Свое эстетическое чувство он (Гете, П. К.) привнес в жертву филистерскому страху перед всяким современным великим историческим движением». При такой оценке «историческое» Гете не может, именно он, представлять у Маркса и Энгельса «сознательно историческое содержание».

«... Полное слияние большой идейной глубины, сознательного исторического содержания, которое мы спрашиваем приписывать немецкой драме (т. е. шиллеровской в первую очередь П. К.), с шекспировской живостью и богатством действия, будет вероятно достигнуто лишь в будущем. Правда, именно в этом СЛИЯНИИ и вижу будущее драмы. Ваш Закинген целиком на правильном пути, главные действующие лица в самом деле представляют определенные классы и направления, стало быть, и определенные идеи своего времени, потерпая от мотива своих поступков не в мелочных индивидуальных воздержаниях, а в том историческом течении, которое является их носителем. Однако желательней дальнейший шаг вперед должен был заключаться в том, чтобы эти котировки были более живы, активны, так сказать саморазвивающиеся, выходящие на первый план более самостоятельного действия, чтобы, наоборот, аргументирующие речи... становились все более наглядными».

Между тем, в произведениях великих русских революционеров XIX в., Великого, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и других имя Шиллера фигурирует в качестве гражданского писателя, «гражданского Тургеня», «защитника человечества», «диктанта» (а слово диктанта для него не было ругательством, как для Феофановых астов), т. е. в качестве образа того типа писателя, которого на современном нам языке мы называем политическим поэтом. Даже Гельдер, столь же любивший грубую действительность, не мог отказать шиллеровской страстной политической поэзии в праве носить имя мятежного».

«... Свое эстетическое чувство он (Гете, П. К.) привнес в жертву филистерскому страху перед всяким современным великим историческим движением». При такой оценке «историческое» Гете не может, именно он, представлять у Маркса и Энгельса «сознательно историческое содержание».

«... Полное слияние большой идейной глубины, сознательного исторического содержания, которое мы спрашиваем приписывать немецкой драме (т. е. шиллеровской в первую очередь П. К.), с шекспировской живостью и богатством действия, будет вероятно достигнуто лишь в будущем. Правда, именно в этом СЛИЯНИИ и вижу будущее драмы. Ваш Закинген целиком на правильном пути, главные действующие лица в самом деле представляют определенные классы и направления, стало быть, и определенные идеи своего времени, потерпая от мотива своих поступков не в мелочных индивидуальных воздержаниях, а в том историческом течении, которое является их носителем. Однако желательней дальнейший шаг вперед должен был заключаться в том, чтобы эти котировки были более живы, активны, так сказать саморазвивающиеся, выходящие на первый план более самостоятельного действия, чтобы, наоборот, аргументирующие речи... становились все более наглядными».

«... Полное слияние большой идейной глубины, сознательного исторического содержания, которое мы спрашиваем приписывать немецкой драме (т. е. шиллеровской в первую очередь П. К.), с шекспировской живостью и богатством действия, будет вероятно достигнуто лишь в будущем. Правда, именно в этом СЛИЯНИИ и вижу будущее драмы. Ваш Закинген целиком на правильном пути, главные действующие лица в самом деле представляют определенные классы и направления, стало быть, и определенные идеи своего времени, потерпая от мотива своих поступков не в мелочных индивидуальных воздержаниях, а в том историческом течении, которое является их носителем. Однако желательней дальнейший шаг вперед должен был заключаться в том, чтобы эти котировки были более живы, активны, так сказать саморазвивающиеся, выходящие на первый план более самостоятельного действия, чтобы, наоборот, аргументирующие речи... становились все более наглядными».

О Шиллере сейчас накопилось немалое количество легенд, имя его стало чуть ли не ругательным в устах некоторых из не мери усердных «шекспираторов», причём, как известно, все это делается во имя марксизма, и каждый, поносил Шиллера, предстаёт перед нами в качестве непогрешимого судьи, свершающего историческое правосудие над Шиллером именем самого Маркса.

«... Свое эстетическое чувство он (Гете, П. К.) привнес в жертву филистерскому страху перед всяким современным великим историческим движением». При такой оценке «историческое» Гете не может, именно он, представлять у Маркса и Энгельса «сознательно историческое содержание».

«... Полное слияние большой идейной глубины, сознательного исторического содержания, которое мы спрашиваем приписывать немецкой драме (т. е. шиллеровской в первую очередь П. К.), с шекспировской живостью и богатством действия, будет вероятно достигнуто лишь в будущем. Правда, именно в этом СЛИЯНИИ и вижу будущее драмы. Ваш Закинген целиком на правильном пути, главные действующие лица в самом деле представляют определенные классы и направления, стало быть, и определенные идеи своего времени, потерпая от мотива своих поступков не в мелочных индивидуальных воздержаниях, а в том историческом течении, которое является их носителем. Однако желательней дальнейший шаг вперед должен был заключаться в том, чтобы эти котировки были более живы, активны, так сказать саморазвивающиеся, выходящие на первый план более самостоятельного действия, чтобы, наоборот, аргументирующие речи... становились все более наглядными».

«... Полное слияние большой идейной глубины, сознательного исторического содержания, которое мы спрашиваем приписывать немецкой драме (т. е. шиллеровской в первую очередь П. К.), с шекспировской живостью и богатством действия, будет вероятно достигнуто лишь в будущем. Правда, именно в этом СЛИЯНИИ и вижу будущее драмы. Ваш Закинген целиком на правильном пути, главные действующие лица в самом деле представляют определенные классы и направления, стало быть, и определенные идеи своего времени, потерпая от мотива своих поступков не в мелочных индивидуальных воздержаниях, а в том историческом течении, которое является их носителем. Однако желательней дальнейший шаг вперед должен был заключаться в том, чтобы эти котировки были более живы, активны, так сказать саморазвивающиеся, выходящие на первый план более самостоятельного действия, чтобы, наоборот, аргументирующие речи... становились все более наглядными».

Перехитры оторванного от действительности «методологизирования» пока еще держится в работах по теории и психологии творчества Павла Медведева «В лаборатории писателя», выпущенная Издательством писателей в Ленинграде и являющаяся попыткой дать методологию теории художественного творчества на основе богатого фактического материала, заслуживает особого внимания.

Раньше чем ввести читателя в лабораторию писателя, автор освещает вопросы о путях изучения художественного творчества и о процессах художественной творческой деятельности, что занимает половину книги. Но всякой эстетике сверху автор относится резко отрицательно, называя ее «кантианско-идеалистической традицией». Вместе с тем он считает, что «эстетика снизу» (в частности ее «биолого-физиологическая ветвь» и работы эстетиков-социологов) может и должна быть использована нами, но не может служить основным научным базисом для теории художественного творчества, собственным предметом которой является «процессуальная сторона художественно-творческой деятельности».

Отличено-«спознавательная» трактовка художественной деятельности приводит к тому, что в книге слова не говорится о громадном значении, которое имеют для построения теории творчества история искусства и история литературы. Исторический подход к предмету является крупным недочетом книги. Ведь не один только продукт творчества, но и структура его, и психологические особенности были совершенно неодинаковы в различные эпохи. Автор помы о Гильгамеше, Мильтоне и Илья Сельвинский по-разному работала в своих «лабораториях». Пренебрежение к историческому пониманию художественной деятельности может легко привести к примитивному «хронологизму», наблюдающемуся, например, в «синтетической истории» искусства у И. И. Юффе.

Одностороннее понимание искусства только как одной из форм познания в соединении с ошибками в области психологии приводит П. Медведева к интеллектуализму и рационализму. Любая работка искусства оказывается раньше всего «художнико-мыслителем», который участвует в классовой борьбе посредством «искусственного мышления». Получается, что специфика «социального поведения» юной балерины, готовящей в своей «лаборатории» новый номер, является «познание вещи в себе» сущности объективной действительности и ее закономерностей» (стр. 53).

Рассматривая вопрос о предмете своей науки, т. Медведев упорно подчеркивает, что «творческое поведение» интересует теорию творчества не в своих результатах, т. е. завершённых произведениях, а с процессуальной стороны» (стр. 22). Сомнительно, можно ли так решительно отрезать действительность от ее результатов, т. е. процесс художественного творчества от его содержания, как идеологии?

Несколько ниже на той же странице указывается, что «художник должен быть изучаем не как индивидуальное, а как социальное явление закономерности процесса художественного творчества — классово-социальной (классовой) — Г. Ф.), а не индивидуальной» категорией. Сказано, как говорится, «хорошо, да не дождь». Мы изучаем индивидуальное, как «социальное», а не противопоставляем их абстрактно друг другу.

Нет у т. Медведева должной четкости и там, где он говорит о методах теории творчества: о внешнем наблюдении, которому он отводит первое место, по которым не пользуется, а самонаблюдения, которое трагически по Уотсону (названному в данном случае для разнообразия Ватсоном), и об эксперименте. Интересно, что, писав расценивая научную значимость данных самонаблюдения, т. Медведев фактически наиболее интересные главы своей книги строит именно на этих данных, называя их (должно быть из любви к неудачным терминам, «автосвидетельствам»). А интересные главы в этой книге много, хотя почти каждая глава — битка между, сдобренная одной или несколькими ложками «методологического» дегтя.

Серьезные возражения вызывает прокладываемое у П. Медведева понимание теории творчества как части гносеологии, теории познания. Выдвинув на стр. 39 положение, что «искусство в классовом обществе — специфическая форма классового бытия и классового познания объективной действительности», т. Медведев фактически забывает о первой части этой формулировки и делает основной акцент на моменте «познания». Кроме познания объективной действительности в специфической форме образов, он ничего своеобразного в художественной деятельности видеть не желает.

«Я думаю, если бы отдельные характеры были несколько резче разработаны и противопоставлены друг другу...»

«Именно из-за этого получается, что заблуждено собранный т. Медведевский материал гораздо больше читателем, чем содержавшиеся в книге обобщения и выводы. И нередко, когда П. Медведев со своих интеллектуалистических позиций ведет полемику о творческом воображении, об интуиции, о вдохновении с В. Гете, Г. Мопассаном, А. Пушкиным, Н. Гоголем, Л. Толстым, И. Тургеневым, А. Чеховым, П. Чайковским и т. д., читателю приходится констатировать: «Оба неправы». Так, например, полемика с Гете, наш автор заявляет: «Мы полагаем, что законы творческого воображения являются общие законы мышления и познания» (где же здесь специфика воображения?).

Особенно странно, что на протяжении 211 страниц т. Медведев не делает попытки по-марксовски осветить эмоциональную сторону художественного творчества. Эмоциональные компоненты восприятия, аффекты, настроения, сложные эмоции, являющиеся необходимым моментом любого вида социальной деятельности, постоянно упоминаются в «автосвидетельствах», использованных в книге, но автор тщательно избегает говорить о них. Не думает ли он, что самое обсуждение вопроса об эмоциях и их роли в художественном творчестве явилось бы уклонением в сторону фрейдызма, ворошинами или прежнего бухаринского понимания искусства как «систематизации чувств в образ»?

Неужели не понятно т. Медведеву, что одностороннее понимание познавательных функций искусства приводит фактически к изгнанию из «лаборатории» писателя и классовой ненависти, и классового отношения к труду, и классового отношения к собственности и интуиции строителей социализма?

Между тем Ленин ведь говорил о том, что «помысли и чувства, которые воспроизводятся в общественной идеологии, — эти помысли и чувства вытекают необходимо из данной общественной среды, которая служит материалом, объектом духовной жизни личности и которая (среда) отражается в ее помыслах и чувствах с положительной или отрицательной стороны в зависимости от интересов того или иного класса» (т. II, стр. 69; курсив по поводу мой. — Г. Ф.). Тов. Медведев дважды вспоминает в своей книге об этих словах Ленина, но не делает необходимого вывода об изучении в психологии творчества чувств художника, его интересов (как осознанных потребностей), положительных и отрицательных моментов в отношении к действительности, т. е. эмоциональной стороне единого и противоречивого сознания общественной личности.

«Если было бы живо показано не только то, что делают, но и как делают...»

«Вот этот конкретный совет опять-таки идет по линии шекспиризации. Шекспиризация еще раз раскрывается перед нами как купчая жалованье, резкое противопоставление противопоставлений (в лице хотя бы Гете, противостоящих друг другу), более резкая обрисовка характеров, показ их в деле так, чтобы видно было бы, как они делают то, что они делают, и, наконец, шекспировская жизнь в методологическом смысле есть умение художественно, насыщенно и динамично-жизненно ладить «объективную» действительность, тогда как в Шиллере слышны партийный идейный момент, субъективные силы истории, сознательное историческое содержание».

Весь вопрос как раз и заключается в том, что Маркс и Энгельс не были такими антишкспиризантами, как их хотят представить, и что само «шекспираторство» Марксу и Энгельсу не представлялось возможным без «слияния» шекспировской живости с шиллеровской партийностью, тенденциозностью и сознательной историчностью.

ГЕНРИХ МАНН
И ЛЬОН ФОЙТХАНГЕР
ЗА ЕДИНЫМ
АНТИФАШИСТСКИМ
ФРОНТОМ

Борьба иностранных компартий за единый фронт против фашизма находила горячий отклик среди писателей-антифашистов. Генрих Манн обратился с письмом в редакцию немецкого антифашистского журнала в Париже «Unser Zeit», в котором приветствует соглашение о едином фронте между французской социалистической и коммунистической партиями. «Влияние всех социалистов», — пишет Генрих Манн, — было величайшей опасностью, которой тогда (в феврале 1933 г.) Гитлер и ему присяжные больше всего боялись. Тем более страшна для нас эта угроза теперь, когда они окончательно обанкротились и продолжают оставаться у власти только потому, что еще не удалось кому их устранить! Пусть обрешенный социализм найдет в себе силу осознать хозяйствование паразитов, дивандализацию от тех, кто бесчестит ее, и народ — от тех, кто его унижал».

Льон Фойтхангер пишет: «Решение социалистической и коммунистической партий Франции и Саарской области объединить свои усилия для совместных действий против фашизма, а также аналогичные решения полных организаций во многих частях Германии представляют мне в эти дни поражения и разочарования наиболее радостным и желанным событием. Ибо объединение трудящихся является последним средством против угрожающей варваризации земного шара, средством, внушающим надежду. Национал-социалисты часто хвастались своими положительными результатами. В данном случае они действительно выжили в жизни нечто положительное».

ЖЮЛЬ РОМЕН
АГИТИРУЕТ
ЗА ГИТЛЕРА

Жюль Ромен обнаруживает все более отчетливую тяготение к фашизму. В своей статье в «Дешеве де Тулуза», которая же одобряет подвиги фашистской «Берлинер Верзеитунг», Жюль Ромен выступает глашатаям согласия с фашистской Германией. Беря на себя функцию адвоката гитлеровского «мирлобия», Жюль Ромен говорит настолько далеко, что считает бессмысленным верить «такому человеку, как Гитлер, который сам участвовал в войне».

ХРОНИКА

Как сообщает газета «Пеннтер Лийд», в связи с новыми исследованиями источников шекспировских текстов снята табличка на доме Джульетты в Вероне (героиня пьесы Шекспира «Ромео и Джульетта»). Установлено, что рода Капулетти вообще не существовало. Капулетти — название политической партии. По мнению историков, Ромео и Джульетта вообще никогда не существовали. Англическое издательство Холдер и Стаутон объявило премию в 1000 ф. ст. за лучшую биографию. Биография должна представлять собой жизнеописание человека из народа, в жизни которого не произошло ничего сенсационного. На конкурс язык перевелась «Теория прозы» Виктора Шкловского. Книга вызвала большой интерес в литературно-научных кругах. Недавно в Пражском лингвистическом обществе состоялся доклад о теории прозы Шкловского. Бруно Франк заканчивает исторический роман, освещающий жизнь Сервантеса. Роман выйдет в Амстердаме в издании «Кверно-Ферлат».

Иллюстрация С. Бигос и Е. Бургуиняк в издательстве «Молодая гвардия» 3-му тому книги В. Арсеньева «Новый тайгу».

ЛИТЕРАТУРНАЯ
САТИРА СШВЕЦОВА

На всесоюзном критическом совещании некоторые товарищи удивлялись тому, что наши литературные сатирики и пародисты А. Архангельский и С. Швецов не участвуют в работах совещания. Удивление естественное и законное. Произведения С. Швецова и А. Архангельского действительно «примыкают» к литературной сатире, хотя оба пародиста являлись не критиками, а поэтами, и действовали оружием не теоретическим, а поэтическим словом. Но и тот и другой, работая в одном из поэтических жаров (сатиры и пародия в стихах), в то же время помогают критике анализировать и утверждать все положительное в творческом опыте советской литературы.

С. Швецову хорошо удалось передать в стихотворении «Выходной» то живое удивление, которое является стилистической и характерной чертой поэзии В. Сидорова: гиперболизированные «страсти-мордасти», «Безуветного винуста» Д. Алтаузен вероисповеданы в пародийном отрывке на «Манифест», неплохо спародированы С. Швецовым некоторые особенности творческого метода Бельмонте и Луговского, удачно выражено в стихах самое сущное, самый дух знаменитой рецензии «Образца 1930 г.», остроумна и убедительна пародия на начинающего крестьянского поэта с редакцией, и очень верно в дружеской пародии на «Либовь» Я. Смирнова вскрыта тематика пародийного поэта и идейно-эмоциональное содержание его творчества.

Но без большого труда можно заметить, что литературное дарование С. Швецова лучше и полнее проявляется не столько в пародиях, сколько в сатирических стихотворениях. В пародии С. Швецова сатирически стих преобладает не случайно. Даже в пародиях С. Швецова нетрудно увидеть постоянную борьбу этих двух линий: двух тенденций — сатиры и пародии — и явное тяготение поэта к сатире. Литературная пародия требует от поэта-пародиста глубокого проникновения в самые существенные и характерные особенности творческой манеры пародируемого писателя, причем такого проникновения, которое дает возможность сразу и обоснованно в «копии» уловить оригинала. Литературная пародия представляет собой особый тип сатирического обобщения поэтических методов, приемов писателей, и в этом ее художественная, познавательная ценность. Другая особенность пародии является то, что идея, мысль автора-пародиста выступают не в форме специально подчеркнутого вывода («мораль сей басня такова»), а она вытекает из развития идеи всего стихотворения в целом. В этом смысле пародия объективна и как будто «линяет» субъективную тенденцию пародиста.

Произведения С. Швецова характеризуют другие черты. Даже наиболее удачные образцы его стихотворных

пародий обязательно содержат сатирический элемент, так сказать, явный сатирический прауочетный, прямых оценок и указаний открытого спор и полемички и конкретно адресованных в пародийными поэтам требований преодолеть слабые стороны своего творчества и развить сильные. Короче говоря, не только в сатире (это вытекает уже из самой природы сатирического жанра), но и в пародиях С. Швецова выступают на

первый план не столько характерные особенности творчества пародируемого объекта, сколько субъективные, личное отношение поэта-сатирика к изображаемому в стихах факту или явлению.

Чтобы убедиться в этом, стоит внимательно прочесть пародию С. Швецова на Я. Смелякова или пародию «Безумный манифест», которые являются типичной сатирической сентенцией или «Валлуду пекаре» (пародия на «Локальность» конструктивистов) и ряд других. Этот перевод или преобладание сатирических элементов надо рассматривать не как недостаток, а как положительную, весьма ценную и своеобразную особенность поэтического таланта С. Швецова. Именно благодаря такому характеру своего дарования С. Швецов удачно показал в лучшем разделе своей книги («Исторические материалы») ряд сатирических картин, рисующих отраженные стороны работы некоторых наших актеров; дал остроумные характеристики горе-руководов и горе-теоретиков, а то и просто графоманов, кое-где еще встречающихся в литературе; остро и ясно высмеял литературное чванство, эгоизм и нежелание учиться, любовь к самокритике и оргустия, мешающую полезной и деловой работе. В этом смысле произведения С. Швецова, разоблачающие недостатки литературного движения и одновременно утверждающие достижения нашей литературы, практически помогают росту молодых кадров.

Являясь поэтом-сатириком, С. Швецов — прежде всего поэт, и надо сказать о поэтической ценности его произведений. С. Швецов неплохо владеет стихом, язык его лучших стихов легок и выразителен, хотя стихотворные диалоги (весьма трудная форма поэтической речи) ему не всегда удаются. В поэтическом языке и приемах С. Швецова можно проследить влияние поэтической техники В. Маяковского и И. Сельвинского (особенно в «Степнограммах кружков») и отсюда не во вред сатирическому таланту поэта.

Было бы несправедливо советовать С. Швецову работать только в области сатирической поэзии и оставить работу над литературной пародией, но надо сказать, что сатирическая поэзия удается ему больше, что она наиболее созвучна и близка дарованию С. Швецова.

И еще одно существенное замечание. С. Швецов работает пока преимущественно на материале литературы и литературного бытия. Это очень узкое поле, и развитие творческого таланта С. Швецова требует, чтобы сатирику обязательно надо попробовать свои силы на более широком материале нашей действительности.

М. СЕРЕБРЯНСКИЙ.

ПИСАТЕЛИ У МИКРОФОНА

Съезд писателей показал, что писатели наших братских республик работают «не только каждый на своей родине, но каждый во всех народах Союза советских республик и автономных областей». Отсюда совершенно необходимо более близкое знакомство широких читателей нашей страны с творчеством писателей братских республик. Алексей Максимович уже внес ряд практических предложений по созданию альманаха «Литература народов Советского Союза» и создание такого театра, который должен будет широко пропагандировать искусство народов СССР.

Не менее важную роль, чем театр, должно сыграть радио. К нашему стыду, в среде радиолюбителей еще живы построения некоего онископического и даже барского отношения к литературе национальных республик и областей. Если, например, творчеству русских писателей посвящаются и посвящаются целые передачи, то мы еще не знаем такого случая, чтобы целая передача была посвящена творчеству таких больших писателей и поэтов братских республик, как Мих. Джаваншири, Ширванзаде, Петр Панч, Египсе Чаренц, П. Тимчина, Янко Купала, С. Ария, Якуб Кюлас, Г. Ибрагимов, и тут мы должны сказать, что письмо татарского писателя, приведенное в докладе Алексея Максимовича, целиком относится и к радио. В этой области и Радиокomitee необходимо продумать еще чрезвычайно большую работу. В дни первого всесоюзного съезда советских писателей национальная

А. Квитко
Гемейме и Лис

Вот входит два кума —
Гемейме и Лис
И пьют в котелке
Мне в сердце впились...

Лис губки сплюнул свои
Бантиком алым —
И — что ни словечко —
Шпильки
И жало!

И все, что так дорого мне
И так свято,
Вздывается опухолью синевой.

Источить мою волю
Завились они
Ведливых слов
Золотистую молью...

Молчу и креплюсь...
Приготовился к бою
Мозг...

Ух, и даст же отпор он обоням!
И я говорю:
По горам и по речкам
Курс к самому солнцу
Злат человека!

Лис прыгнул, как жаба,
На репку эту:
— Что?
Человечество тинется к свету?

Не верю!
Из отрубей и пеньки
Черстве булыжника
Корж испеки
И кинь им, скавав,
Что испослан, мол, богом:
Сжуют с наслаждением
Всюкую погань!

Та оба — единые духом в двух
Плечах —
Философ Гемейме
С философ Лисом,
С собачьими шутками
В мерзость и смрад
Они человечество ташут незад...

Фальшивые речи,
Фальшивые вздохи,
О, эти ребята —
Большие пройдохи!
И все же о победо —
Силы слаби!
Не выйти из нового тура борьбы...

А Лис и Гемейме
Щебечут под боком
И так омерзительно их озорство...

— Что песни?
Хантал!
В них нет благоговения!
Ты б лучше писал
О луно и амвоне,
Валь пел же ты в прошлом
Так сладко и тонко!
Нам жалко подруги твоей
И ребенка...

— Что сделал ты с ними?
Они — мертвцы!
Не годеи ты, друг,
Ни в мужьи, ни в отцы!

Фальшивые речи,
Фальшивые вздохи,
Они наседают,
Проноры и ложи,
Но снова не вышел я —
Силы слаби —
Из третьего, смертного тура
Борьбы...

Во-первых, расширить и углубить
эту работу: каждая передача должна
быть хорошо продумана и заранее
подготовлена;

во-вторых, Радиокomitee должен
оказывать о республиканским ЦСД
и совместно с ними на местах
подготовить целые передачи, посвященные
одному или группе писателей
данной республики;

в-третьих, Радиокomitee не меньше
трех раз в год должен будет
посылать бригады писателей
национальных республик и областей
для организации их творческого отчета по радио;

в-четвертых, нужно испытать опыт
творческих переключек, например,
писателя Ленинграда с писателями
Грузии и т. д.

МИХ. ЮРИН.

МУЗЕЙ
СТЕНДАЛЯ

В Гренобле открыт музей Стендаля. В связи с открытием музея во французских газетах поднят вопрос о возможном перенесении саркофага Стендаля в Париж. Уже в 1909 г. этот вопрос был поднят во французской печати летучим депутатом Дешаном. Тогда во всей Франции была подготовлена к 50-летию со дня смерти Вальзака. В связи с этой годовщиной было внесено предложение перенести останки Вальзака в Стендаль в Париж. Предложение принято не было, и Вальзак продолжает покоиться на кладбище Пер-Лашез, а Стендаль на Монмартре. Что касается Стендаля, то противники перенесения его праха ссылаются на твердо выраженное последнее желание великого писателя, хотевшего быть похороненным на кладбище Андиля, а если это обойдется дорого, — на Монмартре.

КАКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
БОЛЬШЕ ВСЕГО
ПЕРЕВОДЯТ

Парижский журнал «Дас неве Тагебу» отвечает, что старые классические писатели переводятся на иностранные языки значительно больше современных авторов. Наиболее переводимые авторы наших дней: Викки Баум, Стефан Цвейг, Андре Моруа и Колеетт. Но и она по количеству переводов и их тиражей идут далеко вперед Гете, Вильгельм Гюте, Вальзака, Дюма, Достоевского... Близки к наиболее переводимым писателям являются покойный французский уголовный чина Валер Уолес. Уолес переведен на 35 языков, тогда как Джек Лондон только на 18.

В одной французской школе для девочек преподаватель литературы спросил школьников, какие книги им больше всего нравятся. Ответ школьники сверт пелотага в немалое смущение.

Я предпочитаю читать трагические прозе, вроде «Гамлета», но мне хочется еще больше печального, — сказала одна.

— Я хотела бы читать книги, которые так же печальны, как жизнь, — ответила другая.

Театр

ТЯЖЕЛОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
ТЕАТРОВ В БУДАПЕШТЕ

Будапештские театры попрежнему переживают тяжелый кризис. В день, когда обычно начинается сезон, все театры столицы остались закрытыми. Многие наиболее видные актеры не обеспечены работой. За исключением Оперы и Национального театра актерские коллективы которых находятся на постоянной работе, ни один из театров не заключил с актерами договоров на сезон 1934—35 гг.

РЕПЕРТУАР НЕМЕЦКОГО
ТЕАТРА В ПРАГЕ

Наряду с классическими пьесами (Шаллер, Шекспир, Гютнер, Ибсен, Нестрой и др.) Немецкий театр в Праге включил в репертуар ряд пьес современных драматургов. Так, в сезоне 1934-35 гг. будут поставлены пьесы Чапека «Разбойники», Ф. Лагера «Брак — общество с ограниченной ответственностью», Филиппа «Джентльмены», Эзера «Тринадцатый за столом». Вуль «Сенсационный процесс». Кроме того намечены в постановке также пьесы Э. Э. Киша, Врукнера, испанского «Идиота» Достоевского и др.

РАБОТЫ ИНЖЕНЕРА Чернышова

привлекли большое внимание, около них всегда толпятся, но Лидия Сергеевна уж прямо была прикована к ним. Она вышла от них не отходя и в последующие дни, вплоть до встречи с Палесдромом. Я думаю, что изумительные чернышовские проекты, посвященные Мише Курбатову, вновь воскресли перед ней образ нашего славного орлеана Миши.

Я предполагал, что она, часами просящая или просящая у чернышовских проектов будущего нашего социорда, видела Мишу, слышала его стремительную поступь, его движение среди этих дневных домов и дворов, слышала его голос, звучащий в просторах гранита, мрамора и стекла. Я уверен в этом, особенно если учесть ее полную замкнутость после похорон Миши, с которыми она ушла и невидяще где-то дождя продала. У нас даже предполагали тогда, что она сделала что-то над собой, и чуть было не бросилась в реку искать ее труп. Но она вернулась опять к нам, некоторое время работала на своем эскаваторе и работала над с отчаянием под землей, ставя безымянные рекорды по скорости работы грунтом, и вот вдруг опять исчезла, пропавшая по два-три дня. Странно, что она резко оборвала свои отношения к Курбатовым.

Странны и вовсе не относятся к делу ее отрывчатые записки в свой дневник, записанные в то время, т. е. до ее встречи с Палесдромом: «О чем и кому пишешь ночью лес своими зелеными губками? — пишет она. Или: «Осенью цветы без запаха, без радости». Или: «Голые ветви деревьев — как решетка черная в тьме» — и т. д. Тут же и о «сердце», которое она хотела пронзить грязным хлебным ножом.

В таком вот настроении и встретил ее Семен Григорьевич Палесдрок на выставке. — Срастает! — чуть дыша поклялся он. Она ему кивнула. — Моюму Новому Алмазу — Мише Курбатову — воскликнул он уже посмелее. — Вы знаете, что? (Такое Алдан? — затрещал он уж во всю, — я вам скажу, что такое Алдан. Это герой! Герой! Строитель-герой!) Мне кажется, он спугнул мечтательное настроение Лидии Сергеевны, и ей именно поэтому сразу же захотелось уйти. И уж конечно, ей было глубоко безразлично, с кем уйти, куда пойти и что делать. — Слушайте, как вас?.. Я хочу пойти отсюда. Проводите меня... Палесдрок растерял. Палесдрок был

АГЕНТ и КОНТРАГЕНТ казенных учреждений

ошеломлен. Я окончательно уверен, что он обделел от радости. — Я хочу есть! — сказала она уже на улице. — У вас есть деньги? Накормите меня. — Деньги есть! Есть деньги! У Семена Григорьевича Палесдрука всегда есть деньги! — расхолился все шире наш ванька-ванька. Но зачем мы пойдем в столовую? Рабочие обеды — ф-ф! Идемте ко мне на квартиру. Се же найдется. У Семена Григорьевича Палесдрука все и всегда найдется. А вечером мы можем посетить ресторан «Леварно!» Чудно проведем время.

— Идемте, мне все равно, — ответила Лидия Сергеевна. Любопытство Лидии Сергеевны в Палесдрок перешло в настоящее изумление, как только она пошла к нему на «колостенную» квартиру. Она знала квартиру Курбатова, т. е. квартиру начальная строительства, с кухней и двумя комнатами, в которых единственным приятельским предметом была бухарский ковер — полдарок Егора Ивановича Марье Матвееву. Знала Лидия Сергеевна комнату Гейлинского с огромным старым дубовым рваным столом, который она называла «трактором», но квартира Семена Григорьевича Палесдрука, квартира в две просторные комнаты, была великолена. Перегородка комнаты, которую он называл «мой приемная», была оборудована в полном соответствии с его «профессионалом», с профессией «агента-поискала». Тут на стенах, на столах, на окнах была составлена настоящая выставка всевозможных образцов товаров, материалов, изделий и т. д.

Но шепселом всего собрания Семена Григорьевича являлись маленькие модели разных станков и машин двигателях, всего штук пятнадцать. Тут стоял столик для внутренней шпильки, в два дециметра величиной с крошечным моторчиком, с мелкими колесиками — рычагами равнения и пуска, со стопором, со шпindelкой и бабками — настоящий столик для инструментальных и шаблонных работ американской марки. Рядом с ними помещался такой же величавый токарный столик «Le Bonnet», с подложкой станком для режущих

ИВАН МАКАРОВ

це. Пес иговенно привлек к себе его внимание. Семен Григорьевич уже не мог не разворваться до конца; он уже не мог не щелкнуть не только своим бытым изумлением, но и тем, что он совершенно превратился в смех, что у него есть; он уж не мог сдержаться, чтобы не показать ей что он, Семен Григорьевич Палесдрок, не только имеет это все, но и не замечает вовсе своего рокования и может даже бросать все, что захочется, на улицу, вот этому тошему врачу-мичу.

— Собачка! Собачка! Фью-фью! — позвал он ца и тотчас же хватил булку (изумительно белую) булку, оторвал от нее половину и бросил за окно. — Фью, собачка, на, ешь! — Послушайте! — вдруг затрещал и спросила Лидия Сергеевна, — леуежия вы думаете, что вот это ваш жаркий жест равен жести... ну, копнуть... жести? Наполеон, когда он... в Битву на поминках указал солдатам? Это — все равно? — Подумаешь! Тоже мне Наполеон! — выпалила Семен Григорьевич и даже с некоторой досадой. По моему, он уже растерялся, заметил ее волевые и жалкие так, напролуд. Хотя, повторю, Семен Григорьевич никогда «не лаял напролудью» и очень возможно, что он воскликнул сознательно «Тоже мне Наполеон», потому что тотчас же и схватился развивать свою мысль, доказывая: — Наполеон — себе Наполеон. Что же в том, что он указал солдатам на пирамиды? Но пусть он оставит мне хотя одну баржу с цементом для строительства! Пусть он найдет себе такую белую муку для таких вот булок. Фю, Наполеон!

— Значит... значит... — Лидия Сергеевна подлилась с места, она уж не могла выговорить, она уж задыхалась и вдруг крикнула: — значит, ваш поганый жест... все равно, что... что Миша... что Миша Курбатов? — Нет! Нет! Нет же, — тотчас закричал он и ужасно струсил в этаким руганем из напуганности — Миша — лет! Миша — это... О! Успокойтесь. Я же вас прошу! Я уже сказал, что Миша это — о! — Не было уже повидно. Она быстро подошла к нему и, отклонив вправо голову плюнула ему прямо в лицо, тут же еще раз и тут потерялся совсем, схватила его за волосы, с остервенением дернула его голову и вдруг оттолкнула от себя и бросилась вон на улицу, как была, т. е. раздетая и растерянная. Семен Григорьевич через минуту опомнился, оправился и вдруг с досадой принялся быстро прятать все со стола в шкаф. Однако несчастия его только тут и началось. Только теперь и вмешался в эту идиллию Петр Федорович Казарнов,

ПОДГОТОВКА К ПУШКИНСКОМУ ЮБИЛЕЮ

ЛЕНИНГРАД, 17. (По телефону от главного корреспондента). «Литсовет» — первым из литературных журналов начал серьезную подготовку к предстоящему в 1937 г. столетию со дня смерти А. С. Пушкина. Сейчас разрабатывается большой план пушкинских номеров и отделов, который будет передан на утверждение председателя Пушкинского комитета — А. М. Горького.

ЮРИЙ ТЫНЯНОВ ПЕРЕДАЛ «ЛИТ. СОВРЕМЕННОМУ» СВОИ НОВЫЕ РАБОТЫ С НАЧАЛА 1935 Г.

В будущем году, с январской книжки, вводится постоянный историко-литературный отдел, в котором специально печатаются материалы и статьи, связанные с пушкинским годовщиной. Руководить этим отделом будет проф. Оксман и Ю. Тынянов.

ТОВ. ОРЛОВ — ДИРЕКТОР ЛЕНГОСИЗДАТА

ЛЕНИНГРАД, 17. (По телефону от главного корр.). Директор Ленинградского отделения Гослитиздата и главным редактором утвержден тов. М. Орлов.

ВЫСТАВКА ИСКУССТВА УЗБЕКИСТАНА

24 сентября в выставочных залах Восточного дворца открывается выставка узбекской живописи и скульптуры. На ней будет представлено свыше 200 экспонатов, характеризующих узбекскую живопись, значительно выросшую в послевоенный период.

ОКТАБРЬСКИЕ ПЛАКАТЫ ИЗОГИЗА

К семидесяти годовщине Октябрьской революции Изогиз выпускает новую серию художественных плакатов. Уже отпечатаны «Огонь Изогиза» художника Ганфа, посвященное угрозе новой империалистической войны, против Советского союза. Той же теме посвящены плакаты худ. Клуциса и художников Куркириной, «Идея штурма зрел в сознании масс» — напечатаны плакат худ. Соколова-Скули. Печатаются также плакат грузинского художника Тондизи «За социалистическую родину» и плакаты художников Громницкого, Клуциса, Говоркова и Леонова.

КОНКУРС «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ»

В дни всесоюзного съезда писателей «Пионерская правда» объявила конкурс на лучший юмористический рассказ, смешное стихотворение, веселую пьесу для детей.

В проведении конкурса участвует также Детгиз. Первая премия по конкурсу установлена в размере 2500 р. Вторая премия — 1500 р., третья премия — 1000 руб. и четвертая — 500 р.

Рукописи (на любом языке) следует присылать в редакцию «Пионерской правды» (Москва, Центр, Новая площадь, 10) с пометкой: «На литературный конкурс». Рукопись должна быть помечена девизом.

Записка с именем и адресом автора должна быть приложена к рукописи в отдельном запечатанном конверте, помеченном тем же девизом. Последний срок присылки рукописей — 1 ноября 1934 г.

50 ЛЕТ КУСТАРНОГО МУЗЕЯ

50 лет назад Московское земство организовало Музей кустарной промышленности, в первоначальную задачу которого входило объединение художественных промыслов Московской области и снабжение их образцами для работ. Позднее музей пытался путем содействия артелям в сбыте их продукции облегчить материальное положение кустарей, изобрести их от жесточайшей эксплуатации со стороны купцов.

Но купцы крепко держали в своих лапах мастеров, и вынести его с кустарного рынка было не под силу самолюбивому бюрократу. За гроши гнали сину в своих избушках хитровские мастера по дереву, кузнецкие мастера по металлу, вологодские кружевницы, чьи изделия красовались в витринах лучших магазинов России и Запада.

Пашеланин Павел Парилов так описывает положение мастеров и саму мастерскую, в которой создавались величайшие вещи палеолита:

искусства: «мастерская производила вышитые из грубой проколотой газары, с безобразной и беспорядочной обстановкой, с грязным, заплясанным полом, который мыли три раза в год: на «позу», «содержание» и «продвижение».

Рабочий день мастеров начинался («наски» до «Ивана Постного» — 29 августа) с 5 часов утра до 8 часов вечера, с перерывами на обед на два часа и на подпевание на час. С 30 августа перерыва на подпевание не подавалось, и работу кончали с заходом солнца.

Созданные в таких нечеловеческих условиях, таким нечеловеческим трудом вещи не были известны тогдашнему широкому потребителю: статуэтки, статуэтки, мебель русской работы закупались за большие деньги любителями-коллекционерами всего мира.

тисчюе чувства, насажало так называемый русский стиль. Земские руководители по негласному приказу сгребли в кучу все, что было связано с кустарными промыслами, и в начале 1910-х годов перенесли их в музей древней боярской Руси. И большое искусство кустарей запылало в уже испорченных формах, не дышало вперед, косо.

Октябрь дал артелям новые художественные формы и краски, новые сюжеты, возродил народное искусство в его первоначальной свежести и красоте, материально обеспечил кустаря.

На базе музея, ставшего после революции идеологическим и художественным центром кустарной промышленности РСФСР, вырос специальный институт, изучающий карьеру

и чужанскую вышивку, великую устюжскую чернь по серебру, дукунскую живопись, холмогорскую резьбу по кости.

Задачи культурно-технической промышленности после революции резко изменились. Иной заказчик вырос в нашей стране: не миллионеры-коллекционеры, а рабочие, сажавшие на карту кусочек хлеба барюковские камни и жемчужную вазу лешан. Уже в этом году половина продукции Шувеевского промыслового союза, объединяющего 16 тысяч кружевниц, идет на внутренний рынок. И она не задерживается на полках универсамов, ибо трудящиеся нашей страны хотят носить красивые кружева, вышитые напролет на изящном портсигаре, пить чай из ласкающей даша чашки.

На нашем снимке: слева — работа художника Морозова (Мстера) — папье-маше; в середине «Лесозаводный» жонглирующий мячом, резба холмогорских кустарей на кости (морозовый клык), рисунок и модель худ. Ракова; справа папье-маше худ. Юрия (Мстера).

Сейфуддин-Хаджриши

МУЗЕЙ

Зима

О крепкая зима, ты без конца Уходишь и идешь опять, зима, Ты гибель несешь по сердцам — Нак власть твою с собой нам зима?

Идешь — глаза в туманах от тебя, Идешь — и сердце в ранах от тебя, Я говорю с тобой не стану, дьявол, Веду я счет твоих злодейств, зима!

Тобя я смерил с головы до ног — Что делать сироте в печальный срок, Когда простужен он и занемог, Как быть с жестокостью твоей, зима?

Смотри, совсем застыл, молчит бедняк — А только взглянет за дверной косяк — Седеют волосы, у нас в гостях Поменьше будь, уйдя скорей, зима!

Не хвастайся, что разогнала снег, Что луг в плену и травы снег светит, Что даже дальний страшен твой полет, Весна настанет на дворе, зима!

Ты, угнетательница, в темный хлев Загнала стадо, пастбище развед, Цветам, разбросанным у нас везд, Твое явление — жажда и смерть, зима!

И замледец труд оставил свой, Он только гонит снег на водопой, И для быков припасены тобой Пустые ясли, тощая зима!

Не ты изменилась в конце концов, Не хвастайся, что светел твой покров: Всею на поларшина здесь снегов, И солнце теплое вернется к нам, зима!

С лезгинского перевода НИК. УШАКОВ.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ДАЙТЕ МАЛЕНЬКУЮ КНИЖКУ

Мне хочется высказаться по вопросу о литературе для малолетних; о маленькой, массовой, яркой, интересной, именно «вырывающейся» и поучительной книжке, о маленькой рассказике.

Большие книги уже есть, но они доходят до малолетних лишь тогда, когда перескакал или громко читали. Работники деревни, промзона, читают «Тихий Дон», «Поднятую пелену» и др. Но почитайте, сколько нужно месяцев, чтобы прочитать три книги «Тихого Дона»?

В маленькой книжке, в маленьком рассказике не колхозного быта — острая нужда. Горький прав, говоря: «Наша трудовая масса все еще плохо понимает, что она трудится только на себя, для себя. Это сознание влечет к ней, однако еще не вспыхнуло мощным и радостным огнем».

Укоротить, превратить этого явления в острое — благодарная задача для литературы.

Чеховские, тургеневские и рассказы прочих классиков хороши и поныне колхозникам. Но наряду с ними, нужны также мастерские следящие маленькие рассказы об современном быту. Вот, например: очень большое дело — воспитание технических кадров колхозной деревни: трактористов, комбайнеров, машинистов молотилок и т. д. Основы дела колхозная молодежь освоила. Но глубже не идет, не понимает, зачем нужно глубокое освоение техники.

Робота остается на уровне интуитивных и трудовых. Писатель обязан быть большой помощью, представлять эти недостатки в карикатурном виде.

Пока что в колхозе приходит брошюрки — «Опыт такой-то бригады» и др. Написаны они творцами инструкторы. Они обнимают охоту от княжес.

На ряду с большими книжками, большие художники пусть в «мелнуги» отиды напшут и такие маленькие книжечки. Эрнбург прав, когда он говорит: что «ни цифры, ни буквы не могут заменить художника». Наш колхозник скоро дозреет и до большой книжки, а пока он остро нуждается в маленькой.

Вспомните, какими оружием развращения и усыпления масс была маленькая книжка с лубочной картинкой в прошлом — о являх святых, о чудесных случаях в жизни царей, о синицах и т. д. У нас маленькая книжка может и должна быть острым оружием, но социалистического перевоспитания масс.

Сейчас начал издаваться журнал «Колхозник». Вот в нем и желательны маленькие рассказы на колхозном быту, и не мешало бы их назвать «мелнуги для детей». А то журнал отстает и р. 25 к. это дороговато. Значит, надо читать опять в очередь.

Нотельниковская МТС, Сталинградский край.

НЕСТЕРОВ, Ф. СТИЛИН

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ № 26 ЖУРНАЛА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. — 30 руб., 6 мес. — 15 руб., 3 мес. — 7 руб. 50 коп.

Полиска принимается: Москва, 6, Стростной бульвар 11, Журналоблечение, инструкторами и уполномоченными Журнала и помесячно почтой и отделениями Союзпочты. Одновременно принимается полиска из 1934 г.

В МАЛОМ ТЕАТРЕ

— Малый театр, — сказал в беседе с нашим корреспондентом директор Малого театра С. И. Амагубеда, — как известно, еще в прошлом сезоне поставил своей задачей значительное обновление репертуара и в частности стремился к тому, чтобы с его помощью по-новому зазвучали пьесы Островского.

Для этого новому руководству театра пришлось прежде всего снять с репертуара ряд спектаклей, в частности «Лес», постановка которых не удовлетворяла современным требованиям. Последующая, 20-го с. м. театр покажет спектакль Островского: «Бешеные деньги». Пьеса идет в постановке заслуженного деятеля искусств И. С. Платона, в художественном оформлении заслуженного деятеля искусств К. Ф. Юна. Этим спектаклем театр еще не переименовал традиционный ансамбль Дома Шекспира.

В следующий работе над Островским осуществляется уже более критический подход к классике: спектакль «В чужом пиру похмелье», ставший зasl. деятелем искусств Нарокова, в оформлении худ. Егорова, театр намерен осуществить в новой трактовке, вокруг которой созданы пьесы Островским. Спектакль является композицией из пьес «В чужом пиру похмелье» и «Тяжелые дни» Островского, сдвоенной заслуженным деятелем искусств Нароковым. Он будет показан 20 октября.

Следующим спектаклем Островского является в Малом театре постановка «Волки и овцы», осуществленная реж. Хохловым в художественном оформлении Дмитрия. В плане дальнейшего показа классики театром заложена постановка пушкинского «Бориса Годунова».

«Бориса Годунова» будет ставить заслуженный артист республики Волков. Параллельно с этими спектаклями Малый театр в первых числах октября приступает к работе над шедевром Анны Радловой, в постановке С. Радлова. Премьера — в апреле.

В этом же сезоне на сцене Малого театра одна классическая постановка будет осуществлена народным артистом республикой Вл. И. Невмировичем-Данченко. Другой спектакль, также еще в этом сезоне, будет поставлен А. Д. Дининым: вероятно это будет «Женщины в народном собрании» Аристова.

Из числа пьес современных советских драматургов Малый театр покажет в январе «Друзья и враги», — пьесу И. Миникитенко, которая на украинском языке носит название «Птица и козлик». Постановщик спектакля — заслуженный деятель искусств Нароков, художник — Егоров.

Кроме того, для Малого театра иштут сейчас новые пьесы драматургов Л. Славина, А. Файно, Н. Зархи, А. Корнинич, Н. Подгиди.

В филиале Малого театра будет показан в октябре этого года спектакль «В чужом пиру похмелье», а в конце января 1935 г. пойдет пьеса И. Едонинова — «Последняя бабушка из Семигории».

Широко развивается и деятельность совхозно-колхозного филиала Малого театра в селе Земетичи, Воронежской области. Театр прочно завоевал деревенскую аудиторию. Зрительский зал ежедневно полон.

Вызванные спектакли труппы в окрестных колхозах превращаются в подлинное народное празднество, куда вся деревня встречала актеров с цветами и песнями, еще более восторженно прощая их после спектакля. Весь коллектив охвачен борьбой и радостным настроением, с большим удовлетворением ощущая ценность своей работы в деревне.

К 7 ноября заканчивается перестройка зметичинского театра, в котором расширяется сцена и зрительный зал, и в день годовщины Октябрьской революции в совхозно-колхозном филиале Малого театра пойдет «Гор Бунчука» в постановке заслуженного деятеля искусств И. С. Платона.

В порядке творческого сотрудничества и обмена художественным опытом Малый театр по ходатайству Наркомапроса Украины направил в качестве художественного руководителя Киевского драматического театра заслуженного артиста республики Л. М. Прозоровского.

Другим значительным событием в работе Малого театра является готовящаяся через месяц открытие музея Малого театра, в котором с помощью обширного собрания материалов будет показана вся столичная история Малого театра и будет сосредоточена вся методологическая и издательская работа театра. Открытие музея имеет тем большее значение, что до сих пор в Малом театре

были только недоступные для широкой публики коллекции типа «семейных альбомов» и за все это десятилетие существовавшего театра никто не делал попыток собрать интереснейший материал о творчестве коллег старшей русской сцены.

Большой интерес представляет собой и собрание граммофонных записей художественного чтения крупнейших актеров Малого театра, в том числе Южана, Давылова, Ермоловой, Садовского, — сосредоточенное в открываемом музее.

В части издательской Малый театр приступает к созданию ряда монографий о корифеях и современных мастерах Малого театра. Авторами этих монографий являются гг. Ал. Толстой, Э. Бескин, Резников, Амагубеда, Загорский, Бродский, Филиппов, Алперс, Залесский, Игитов, Т. Динин и др.

Материалы музея представляют собой реальную базу для создания истории Малого театра.

В печати находится и первая книга двухтомного альбомного издания «Мастера Малого театра», в котором даются творческие портреты крупнейших мастеров прошлого и современности.

Одно из лучших произведений Анатолия Франса «Остров пингвинов» вышло на днях в Гослитиздате.

требовал, он советует ему отказаться от употребления слова «вынужден». Проблема новаторства понимается зачастую узко. Так, т. Шевцов, увеличившая паузы в романе «Человек меняет кожу», советует всем писателям в следующих произведениях также вставлять паузы.

Небольшая часть читателей критикует вещь не за то, что в ней есть, а за то, чего нет. Тов. Маневе, например, недоумевает, что героями «Капитального ремонта» являются 3-4 действующих лица и один гардемариан; т. Хасини бранит Ильина «за плохую обработку хозрасчета».

Характерной чертой ранее опубликованных читательских отзывов был разбор произведений вне литературного ряда, полное отсутствие отзывов. Ряд отзывов читателей заволаком И. Сталина пронаুক্ত стремлением пометить своеобразие манеры художника, сопоставить произведения советской прозы. «Автор очень часто, — пишет т. Гонимбе, — применяет интересный художественный прием (речь идет о «Капитальном ремонте» Соболева). Он берет определенный образ и развертывает его в новую картину, но это не поддается настолько простому и углубленному анализу, а поощряет и углубляет ее. Образ флага Поиса, переходящий в образ России, дающей свои нормы и революционные движения, образ орла российского времени и др. запоминается очень сильно».

До съезда писателей критики в литературных изданиях были единичными, и с ними не велось систематической работы, в том числе и на заводе им. Сталина.

Думается, что материал читательских отзывов даже одного завода им. Сталина требует, чтобы с самого начала в выходящем зарываемом из средств рабочих и колхозников было выделено.

В. КРАСИЛЬНИКОВ.

СОТНИ ОТЗЫВОВ

РАБОЧИЕ КРИТИКИ ЗАВОДА ИМ. СТАЛИНА

Страницу за страницей («Большого конвейера») и не обращая внимания ни на что: на крик ребенка, соседи за стеной, ни на толкотню в трамвае, ни на часы, которые показывают сначала час ночи, потом дватри. О книжке много думашь, много рассказывашь» (Ольшовец).

Отзывы читателей завода им. Сталина — явление показательное повышения требований в художественной литературе. Доказательством читателя как критика. Отсутствие аргументации характеризуются единичные отзывы, основная же масса читателей стремится к углублению оценок, к постановке проблем качества. Товарищи не просто «обзывают» книги, они четко выделяют положительное и много пишут об отрицательном. Прежде всего о недостатках. «Книга напоминает хорошо сконструированный станок, который забыли покрасить», — пишет В. Назарова о «Большом конвейере» Ильина и дальше дает мотивировку оценки: «Книга не имеет отягчающих и заслуживает ее. Попадают места, где художественное изложение переходит в повествовательный тон, когда-де есть необработанные фразы и обороты речи». Об отделе, об оформлении большая забота у читателей. — они отмечают «шрифтовую красоту слова» в «Капитальном ремонте» Соболева (Борискин) и поговудят на автора «за медленный разворот действия, за суховатость». О композиции романа «Человек меняет кожу» т. Потапова пишет: «Книга написана очень занимательно, но иррациональные сцены кажутся пошлыми».

Уделяя внимание вопросам формы, рабочий-читатель определяет значимость художественной книги в целом, содержания, но он не измеряет его (содержания) количеством проблем. Качество разрешения их, организация развития характеров, соответствие изображаемого действительности — вот принципы, выходящие в основу оценок. Социалистический реализм упоминают пока еще редко отзывы, но требования правильного отображения действительности, типичных характеров в типичных обстоятельствах — основа основ.

«Рожков, Тяня, Кичуров, Воропаев знакомы, они живут среди нас», — пишет о героях «Большого конвейера» Трахман, а т. Комков дополняет: «Ильин правдиво описал жизнь и борьбу сотни заводов». Читатель требует органического развития характера. «Хоть убей, не осажу его (Вобровникова из «Большого конвейера»), как живого», — пишет В. Васильева. В отношении к Свининой («Человек меняет кожу») как-то получилось «скомканно», — отмечает токарь Сирота. Читатель настаивает на закономерности конфликтов: «Каждый человек (в романе «Человек меняет кожу») живет своей обособленной жизнью. Нет в романе единой организующей связи», — пишет Бровнин.

Не все, конечно, хорошо в читательских отзывах. На их, например, свывается слабость проведения профессиональной критики ряда дискуссий (о языке), о проблеме новаторства и т. д.). Тов. Руд предвещает к Соболеву чисто пуританские